

Лейкин Николай Александрович

Первые шаги

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Первые шаги: Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 283 с.

ISBN 978-5-519-92966-0

ISBN 978-5-519-92966-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

I.

ПРИБЛИЖАЛОСЬ въ полудню.

Весеннее солнце косымъ лучомъ заглянуло на узкій четырехугольный дворъ - колодезь большого каменнаго пяти-этажнаго дома и освѣщало одну изъ четырехъ стѣнъ его; да и то только сверху, до половины, оставляя два нижніе этажа въ тѣни. Не взирая на это, на дворѣ таяло и дворникъ Калистратъ въ фуфайеѣ, выглядывавшей изъ-подъ жилета, и въ передникѣ, засученномъ и закрѣпленномъ у пояса, сметалъ по высѣченнымъ въ ледяномъ черепѣ желобамъ воду тающаго снѣга въ водосточную трубу. Дѣлалъ онъ это аккуратно новой широкой метлой и перемигивался съ кухаркой, отворившей въ третьемъ этажѣ окно, выходящее на солнце. Вдругъ въ глубинѣ двора онъ замѣтилъ деревенскую, круглолицую, молоденькую

дѣвушкѣ въ пестрой ситцевой ватной кацавейкѣ, въ розовомъ ситцевомъ платѣ и валенкахъ, взглядывавшихъ изъ-подъ короткой юбки. Дѣвушка была лѣтъ восемнадцать, съ головой, покрытой сѣрымъ суконнымъ платкомъ и имѣла за плечами пестрятинную котомку. Она держала какую-то бумажку и показывала ее проходившему по двору мастеровому безъ шапки, въ опорекахъ на босую ногу, съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ и ремешкомъ на волосахъ. Мастеровой, посмотрѣвъ бумажку, тотчасъ-же отрицательно покачалъ головой.

— Умница! Вамъ кого?.. Вы что тутъ?—закричалъ Калистратъ дѣвушкѣ.

— Марину ищетъ. Марину Генадіеву какую-то. Въ прислугахъ у кого-то будто здѣсь служить,—отвѣчалъ за дѣвушку мастеровой, осадивъ на лбу поднявшійся было кверху ремешекъ.

— Марину? Марину Генадіеву?—пробормоталъ Калистратъ, оставилъ мести и подошелъ къ дѣвушкѣ.—У кого служить-то она Марина эта самая?

— Да вотъ тутъ въ запискѣ, должно быть, обозначено,—протянула дѣвушка записку.

Дворникъ посмотрѣлъ въ записку и произнесъ:

— Ничего не обозначено. Вамъ что-же собственно требуется, кралечка?

— Я къ ней изъ деревни... Она наша землячка... Изъ одной деревни...—пробормотала дѣвушка.

— Кухарка, что-ли она?

— Да ничего не знаю. Вотъ только записка... Итакъ ужъ шла, шла, искала, искала...

— Домъ нашъ. Обозначено правильно. А вотъ Марина-то Генадіева... Есть у насъ тутъ въ домѣ какая-нибудь кухарка Марина? — крикнулъ Калистратъ все еще торчащей въ окнѣ кухаркѣ.

— Марина?—спросила та.

— Да, Марина. Марина Генадіева, — пояснилъ дворникъ.

— Ахъ, такъ это не въ кухаркахъ... Марина горничная. Это у генерала. Знаешь, косенькая-то такая? Съ проборомъ на боку.

— Сестра она намъ двоюродная приходится,—прибавила дѣвушка.

— Ну, родню-то намъ гдѣ-же разбирать!—сказалъ дворникъ.—Черненькая она такая? Косенькая?

— Вотъ, вотъ... Дѣйствительно, есть на одинъ глазъ...

— Ну, пойдемъ я тебя провожу къ ней...

И дворникъ Калистратъ повелъ дѣвушку на черную лѣстницу, оставивъ около входа свою метлу.

Онъ шелъ впереди, дѣвушка слѣдовала сзади.

— Вы какія-же будете? Какой губерніи?—спросилъ онъ ее на площадѣ перваго этажа.

— Псковскія...—отвѣчала она.

— Зачѣмъ-же сюда пріѣхали?—задалъ онъ второй вопросъ на второй площадѣ второго этажа.

— На заработки. Бились, бились зиму-то... У насъ неурожай... Ну, маменька и послала.

— Въ прислуги, значитъ. Такъ... Ну, вотъ... Марина твоя здѣсь живетъ. Побудь немного на лѣстницѣ здѣсь, а я сейчасъ...

Дворникъ вошелъ въ кухню ввартиры, потеръ ноги о половики. Кухарка, пожилая, грудастая женщина въ передникѣ, терла на теркѣ свеклу около стола.

— Здравствуйте, землячка... — сказалъ онъ кухаркѣ и спросилъ:—Марина Генадіева у васъ существуетъ?

— Горничная у генеральши. А только генеральша-то зоветъ ее больше Машей,—отвѣтила кухарка.

— Ну, такъ вотъ къ ней гостя изъ деревни пріѣхала. Позови-ка Марину-то. Пусть принимаетъ. Я привелъ ее и она стоитъ на лѣстницѣ. На дворъ пришла съ запиской... Гляжу—бродить дѣвушка и ищетъ кого-то, у всѣхъ спрашиваетъ... Ну, я сейчасъ ее... Да и не зналъ я, что ваша-то Мариной зовется, а меня докторская кухарка надоумила,—повѣствовалъ дворникъ.

Кухарка отирала руки о передникъ.

— Пускай входитъ сюда... А я Марину вызову,—сказала она.

Дворникъ отворилъ дверь и поманилъ съ лѣстницы дѣвушку.

— Умница, войдите сюда,—проговорилъ онъ, но самъ изъ кухни не уходилъ.

Показалась горничная Марина. Это была дѣвушка уже лѣтъ подъ тридцать, франтоватая, въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ съ фалборками, кружевами и прошивками. Она, дѣйствительно, косила на одинъ глазъ, но это не безобразило ея лицо. Она была миловидна.

— Получайте, Марина Генадіевна, землячку изъ деревни, — проговорилъ, улыбаясь, Калистратъ. — Нашелъ на дворѣ и привелъ къ вамъ.

— Ко мнѣ?—удивилась горничная и даже слегка попятилась, но потомъ стала вглядываться въ деревенскую дѣвушку.

— Здравствуй, Марина Генадіевна, — поклонилась дѣвушка. — Я Груша... Аграфена... Сестра твоя двоюродная... Дочь Марѣы Андревны. Марѣа то Андревна мнѣ мать. Или не помнишь?

— Марѣы Андревны?—протянула горничная. — Да, Марѣа Андревна мнѣ тетя.

— Ну, а я дочь ейная Аграфена... Конечно, когда ты уѣхала изъ деревни я была махонькая. Ну, отецъ твой тебѣ кланяется. Прохоръ Матвѣичъ то-есть. Письмо со мной прислалъ, — говорила дѣвушка.

— Папенькѣ я недавно послала пять рублей, — сказала горничная.

— Знаемъ... Слышали. Ну, а намъ-то съ матерью не откуда... Вотъ мать меня и послала...

— За деньгами? Ко мнѣ?

Горничная даже испугалась.

— Да, на заработки... Чтобы въ услуженіе... — пояснила деревенская дѣвушка. — Прямо: за хлѣбомъ.

— Ну, слава Богу... А ужъ я думала... Но откуда-же у меня заработки!..

На эту сцену смотрѣла вухарѣа и воскликнула:

— Да что-жъ ты ее не посадишь-то, [Марина!

Дѣвушка съ дороги, уставши, а ты словно и не родня. Снимай котомку, милушка, да садись... Садись вотъ тутъ на табуретку,—обратилась она къ прїѣзжей.

— Ну, что-же, садись,—сухо прибавила и Марина.—Ты говоришь, что ты Груша... Но когда я уѣзжала изъ деревни, я помню, что у тетки Марѣи были дѣвочки, а какъ онѣ назывались —забыла.

— Двѣ, двѣ дѣвочки и одинъ сынъ. Я вотъ Аграфѣна, а другая младшая Авулина,—разсказывала Аграфѣна, снимая съ плечъ котомку.—Смучились нонѣ въ деревнѣ... Голодуха... Хлѣба не хватило и до Рождества. Скотину проѣли. Просто хотѣ въ кусочки идти, побираться. Ну, мать мнѣ и говорить: „иди, говорить, Груша, въ чужіе люди, поѣзжай въ Питеръ“. Продала овецъ, снарядила меня—и вотъ я къ тебѣ. Не покинь, сестрица.

Груша бросилась Маринѣ въ ноги.

— Что ты! Что ты! Вотъ дура-то! Въ ноги вла-няется!—закричала на нее Марина.

— Очень ужъ у насъ-то сирѣ и голодно.

— Да вѣдь и здѣсь тоже не слаще. Ну, гдѣ я тебѣ заработки найду! Въ прислуги ты въ такомъ видѣ не годишься. Ну, давай письмо-то отъ папеньки.

Марина съ ногъ до головы осматривала ее.

— Да ты ее прежде посади, дай ей отдохнуть, чаемъ попой, а потомъ ужъ... — перебила горничную кухарка. — Садись, дѣвушка, присаживайся

вотъ тутъ въ столу, — опять обратилась она къ Грушѣ.

— Садись, садись, Груша... Я сейчасъ...—опять повторила Марина.

— Съ дороги-то, поди, устала?—участливо спрашивала вухарка.

— Да я ничего... — пробормотала Груша, садясь.—А только ужъ и Питеръ-же! Шла, шла... Шла, шла... Съ запиской я... Кому ни покажу—никто хорошенько не знаетъ. Одинъ говоритъ: „такъ иди“... Другой говоритъ: „не туда идешь“. Кружила, кружила... Потомъ стала ужъ показывать солдатамъ... Все на углахъ солдаты попадались. Ну, тѣ и направили.

— Это не солдаты, а городовые... — поправилъ ее дворникъ Калистратъ, все еще стоявшій у дверей.

— А ты тутъ чего топчешься!—огрызнулась на него Марина.

— Да я ничего... Я такъ... Ужъ будто и постоять нельзя!—переминался дворникъ. — Слушаю, что вотъ вездѣ неурожай, вездѣ голодуха. И у насъ тоже... Пишутъ, что и въ нашихъ мѣстахъ тоже... Бѣда... Ну, за тобой, Марина Генадіевна, угощеніе, что я тебѣ родственницу привелъ,—закончилъ онъ, махнулъ шапкой и ушелъ.

— Какъ-же, дождайся!—пренебрежительно проговорила ему Марина.

II.

ПОЯВЛЕНИЕ изъ деревни Аграфены ошеломило Марину. Съ четверть часа она не могла прійти въ себя и въ голову ей лѣзли разные вопросы вродѣ: начнетъ просить займы денегъ... придется покупать для нея сапоги и переобувать ее изъ валенокъ... ставь ее на мѣсто... А куда поставишь эдакую деревенщину? А Марина была экономна и эгоистка и все это тревожило ее.

Не сразу Марина спросила у Аграфены и письмо, привезенное отъ Маринина отца. Аграфена полѣзла за письмомъ въ котомку, стала вытаскивать свои вещи и тутъ только Марина нѣсколько успокоилась, увидавъ въ котомкѣ Аграфены кожаные сапоги съ мѣдными подковками на каблучкахъ. Она тотчасъ же стала заваривать чай, чтобы угостить Аграфену, но кухарка предупредила ее на счетъ угощенія и вынула изъ шкапа для Аграфены горбушку вчерашняго пирога и говорила:

— Вотъ поѣшь, милушка, пирожка съ дороги-то... Поди проголодалась... А тамъ чайкомъ запьешь.

Аграфена была очень голодна, но, заглянувъ въ середину пирога и, видя что онъ былъ съ начинкой изъ мяса, ѣсть его не стала.

— Спасибо. Нешто можно?.. Нонѣ Великій постъ, а мы по постамъ скоромнаго не потребляемъ, —

проговорила она и даже какъ-то испуганно отодвинула отъ себя тарелку.

— Ну, вотъ...—закричала на нее горничная.—А еще въ Петербургъ служить по мѣстамъ пріѣхала.— Гдѣ-же ты по нынѣшнимъ временамъ на мѣстахъ постное-то найдешь!

— Не по генеральшамъ-же она служить будетъ,— возразила кухарка.— Поступить на мѣсто къ простымъ людямъ въ прислуги, такъ тамъ всегда постное.

— Ну, не скажи...—нынѣ и простой-то народъ отъ постнаго давно убѣжалъ.

— А потомъ попривыкнетъ и въ скоромному, когда пообживется.

Пришлось пирогъ замѣнить ситнымъ хлѣбомъ. Для Аграфены, пріѣхавшей изъ голодающей семьи, и ситный хлѣбъ былъ лакомствомъ. Сначала она церемонилась, отщипывала его по маленькому кусочку и медленно клала въ ротъ, но когда кухарка стала ободрять ее, говоря: „Кушай, милушка, кушай“, такъ навинулась на хлѣбъ, что быстро убрала почти всю горбушку, запивая ее чаемъ въ прикуску.

А горничная Марина въ это время прочитала письмо отца и съ неудовольствіемъ говорила:

— Опять хлѣба нѣтъ! Опять денегъ просятъ... То-есть это чистое наказаніе! Теперь ужъ на сѣмена просятъ.

— Да, да, Марина Генадіевна... У насъ всѣ такъ... Почти вся деревня... Посѣяться нечѣмъ,—поддакнула Аграфена.

— А я откуда для нихъ возьму? Что я богачиха, что-ли!—врикнула горничная.

— Все-таки, ты, сестрица, тутъ сыта. На хозяйскихъ харчахъ...

— А одѣться и обуться мнѣ не надо? Здѣсь вѣдь нельзя такой чумазой ходить, вотъ какъ ты пріѣхала. Здѣсь, коли ты въ услуженіи—должна быть чисто одѣвшись. Опять-же все горячее свое: чай, кофей, сахаръ... Надо тоже помады купить...

— Голодно у насъ... Охъ, какъ голодно! Вѣдь вотъ у насъ тоже дома безъ сѣмянъ... — рассказывала Аграфена. — Мать и собрала меня... Овецъ продала, послѣднихъ овецъ, чтобы мнѣ ѣхать. Мать и говоритъ: „какъ только хоть два рубля заработаешь—сейчасъ-же шли мнѣ на ярицу“...

— Мудрствуютъ у васъ тамъ больно старики-то! Живутъ безъ понятіевъ къ здѣшней жизни и думаютъ, что въ Петербургѣ золотое дно, что деньги-то здѣсь по улицамъ валяются, только не лѣнись поднимать ихъ. А ты попробуй, наживи ихъ!..—брюзжала горничная.

Аграфена смотрѣла на нее во всѣ глаза и потомъ заговорила:

— Все-таки, вы, сестричка миленькая, поставьте меня хоть на какое-нибудь мѣсто, чтобы я могла поскорѣйча матери-то...

— Не мудри, не мудри... Поступишь на мѣсто, такъ вѣдь надо тоже и себѣ платьишко какое ни на есть сшить. У тебя только и есть платье-то, что на тебѣ?—спросила ее горничная Марина.